

Великие имена китайской поэзии

Лирика

Л
и
Ц
и
Н
и
Ж
а
о

Я —

ПТИЦА

Я —
ПТИЦА

Лирика

Ли Цунчжао

*Перевод с китайского языка
Сергея Торопцева*

Нестор-История
Санкт-Петербург
2020

УДК 821.581
ББК 83.3(5Кит)
Я11

Научный консультант *Гу Юй*

Я11 **Я — птица.** Лирика Ли Цинчжао / пер. с кит. С. А. Торопцева. — СПб. : Нестор-История, 2020. — 116 с. — (Серия «Великие имена китайской поэзии»).

ISBN 978-5-4469-1713-6

В ряду китайских женщин, писавших стихи, Ли Цинчжао (XI–XII вв.) была первой и единственной, ставшей Великим Поэтом, вровень с Ли Бо и Ду Фу, Су Ши и Синь Цици. Она вышла за рамки традиционных для китайской «женской поэзии» семейных ценностей — в мир общечеловеческой самоидентификации, универсальной мудрости. Подобно гигантской мифической птице Пэн, она воспарила в Занебесье, взглянув на Землю у ног своих. Ее произведения прекрасны не только филигранной отточенностью слов, музыкальной гармонией созвучий, лиричной чувственностью, но и мудрым осмыслением бытия, познанием Времени во всей его безграничности и себя как частицы Вечности. Строка Ли Цинчжао «Я жажду найти небывалое слово» — ее дерзновенный литературный манифест. Этот сборник впервые представляет российскому читателю все сохранившееся наследие поэтессы в лирическом песенном жанре *цы*.

Сборником стихотворений Ли Цинчжао издательство «Нестор-История» открывает новую серию «Великие имена китайской поэзии», которая будет продолжена лирикой Су Ши (XI в.).

УДК 821.581
ББК 83.3(5Кит)

ISBN 978-5-4469-1713-6

© С. А. Торопцев, перевод с китайского, комментарии, составление, вступительная статья, 2020
© А. В. Дащенко, послесловие, 2020
© Издательство «Нестор-История», 2020

*Уж время заката, а путь еще долог,
я жажду найти небывалое слово
и птицей взметнуться к небесному свету...*

Ли Цинчжао

Токюй Затворниця

Эссе о поэзии
Ли Цунчжао

Ли Цинчжао (XI–XII вв.) — столь нестандартное явление в поэтической культуре Китая, что прикоснуться к переводу ее произведений было далеко не просто. Во-первых, она не только заняла заметное место в российском китаеведении — в русской поэзии уже сформировался ее образ в сложении немалого количества переводов, сделанных прежде всего Михаилом Басмановым (но полного собрания переводов всех сохранившихся *цы* поэтессы до настоящего сборника в России не было). Во-вторых, оригиналы ее стихотворений необычны и многослойны, они на первый взгляд не кажутся сложными, и эта внешняя канва чаще всего и вдохновляла российских переводчиков. Но, сочтя, будто всё понял, вчитываешься дальше и чувствуешь, что барахтаешься лишь в поверхностном слое подстрочника и надо погрузиться глубже, а там начинается еще не один слой ментального (и музыкального) звучания.

В китайском литературоведении специфика поэзии Ли Цинчжао получила особое наименование «стиль Затворницы» (*И-ань ти*) — по общепринятому прозвищу поэтессы, взявшей его из стихотворения Тао Юаньмина, который, покинув суетную службу и вернувшись в родной дом, «обрел покой в тесной каморке». Кстати, отшельнический псевдоним Ли Цинчжао (*И-ань цзюй-ши*) выстроен по модели, принятой у поэтов танской эпохи, но у тех он обычно указывал место отшельничества, тогда как у Ли Цинчжао — духовную суть отшельничества, и интерпретировать его можно примерно так: «Затворница покоя». Благородная сдержанность ее поэзии явилась выражением высокой аристократичности духа Ли Цинчжао. У нее было немало подражателей, но сама она оставалась в высшей степени индивидуальна, не подвергаясь ничьему влиянию.

Поэтесса считается лидером одной из двух основных художественных школ сунской поэзии в жанре *цы*, где поэтические тексты писались на распространенные мелодии и подчиненность музыкальной ритмике была одной из основных их характеристик. Название этой школы принято переводить как «изыщная». В самом деле, изысканность языка — неоспоримый бренд представителей этого направления, как самой Ли Цинчжао, так и более поздних ее последователей — Фань Чэнда, Цзян Куя, Чжоу Ми, Цзян Цзе. Это отличает их от другой школы, для которой словесные изыски хоть и не были чужды (как и для китайской поэтической классики в целом), но на первый план выходило упорное самовыражение, фабульная действенность, движение образа, панорама. И тут возникает любопытный парадокс: главой этой школы, акцентирующей действие, был великий Су Ши, а одним из его учеников — отец нашей «изыщной» поэтессы, приобщивший ее к поэзии и культуре.

«Изыщный» — лишь одно из словарных значений термина, обозначающего художественное направление, возглавленное Ли Цинчжао. Этим словом передают также «намеки», попытку обозначить некое явление, предмет, персону косвенно, не называя их прямо. То есть это эвфемизм, аллюзия. Я пока не решаюсь настаивать на таком переводе термина («школа аллюзий»), но учитывать созерцательный и эвфемистический оттенок поэзии Ли Цинчжао и ее последователей следует для более точного ее восприятия.

Поэтесса пишет о реальном мире, преимущественно избегая одномерных реальных образов, приземленных картин. В самом начальном, юном периоде творчества еще можно встретить упоение природной естественностью, полноту счастья от заревого светила, цветка за ушком, чтобы понравиться милому, от лотосов, оплетших челн на прогулке с возлюбленным... Но это не ее стиль, он тогда еще не выработался, а позже она уже никому ничего не открывает — лишь намекает в надежде на понимание. Понимания ей явно не доставало. Тонкая

душевная организация была надломлена обрушившимися грозами, о которых она априори и не подозревала.

О, милые равнины в оны дни,
в своей светелке, беззаботна...

.....

И вот всё оборвалось ныне,
на голове колтун да иней...

Историки литературы видят в творчестве Ли Цинчжао два периода, разделенных 1127 г., когда под натиском агрессивных чужеземцев пала родная страна, двор бежал на юг, начались политические конфликты, вечные скитания по постоялым дворам, умер любимый муж и поэтесса впала в горькое одиночество.

Но если отделить образ поэтессы от социального базиса, то и в самих стихотворениях, созданных уже за пределами юных выплесков, можно услышать разные интонации, очерчивающие душевные пространства, не всегда по времени совпадающие с мазками исторической и бытовой событийности. Это некие кластеры, замкнутые в рамках своего психологического настроения.

Да, юная беззаботность, полная девичьих игр на лужайке, тайных надежд и свиданий с возлюбленным (что осуждалось нормативным социумом, но разрешалось более либеральной семьей поэтессы), — это всеми признанный первый период. Девичество Ли Цинчжао, не стянутое петлей традиционной формулы «отсутствие талантов — добродетель женщины», прошло среди книг (в 4 года она уже овладела грамотой, с 6–7 лет читала стихи — основу китайской интеллектуальной культуры), живописных и каллиграфических свитков, поэтических состязаний.

Несомненно, это не могло не сформировать отношение к поэзии как к самодостаточному действию, а не только как к каналу трансляции мысли или даже чувства, т. е. как к средству, подспорью для чего-то более важного. Такой сакральный подход к поэзии сродни формуле Пушкина: цель поэзии — поэзия.

Стихотворения Ли Цинчжао плохо поддаются дословному переложению. Если из них убрать поэзию, они выходят за рамки литературы. Этот тезис, боюсь, встретит бурные возражения — и не столько тех, кому трудно рифмовать, сколько тех, кто начертанные слова уже считает свершившейся поэзией.

Что есть поэт? Человек, «говорящий стихами»? Отнюдь! Это особое метафизическое состояние, в которое душа погружается в миг, когда «требуется поэта к священной жертве Аполлон». Поэт — не тот, кто распахивает окно, чтобы показать, что там за ним происходит: шумит ли листва, стучит ли дождь... Поэт покидает сей мир и взирает на него из иных пространств, воспринимая его совсем не так, как за мгновение до погружения в транс, он фиксирует не реальный облик мира, а метафизический, не привычные связи предметов, а невидимые глазу ощущения. Более реальные, глубинные, сущностные.

Свирелька из каких-то далей
поет о сливе так печально.
Но не грусти, что опадет цветок,
пойми уже,
что он останется в моей душе.

Поэзия Ли Цинчжао сфокусирована на Я. Не на самой себе как земном существе, а на Я, вышедшем за его пределы. Это не самомнение, это — самопознание.

«Кластеры» поэзии Ли Цинчжао после замужества (1101 г.) звучат гармоничной симфонией разных инструментов и мотивов. О браке поэтессы вообще можно вести особый разговор не только как о биографической компоненте, а и как о некоем психологическом камертоне, по которому настраивалась ее поэзия. У одного юного китайского исследователя я с любопытством увидел даже такое восторженное определение союза Ли Цинчжао с мужем, как... «ароматный кофе капучино». Соединение специфических компонентов их брака образовывало нечто необычное для этого китайского

средневекового социального института, разрушало стандарты, формировало новую духовность. Это оказалось ей необходимо не только для жизни, но и для творчества (второй брак, возможно, вынужденный, никак не отразился в поэзии).

В произведениях, написанных после замужества, есть инвариант «девичьего» восторга, чуть более степенный, а порой переходящий в иную сторону — даже в легкую фривольность.

Вечер пришел, а с ветрами дожди налетели,
вымыли летний зной.
Я наиграю тебе на свирели,
хочешь — и брови подкрашу сурьмой.

Белое тело прикрою халатиком зыбко
и, фимиамом дыша:
«Милый, — шепну я с улыбкой, —
полог задерни, ночка сегодня свежа».

Свободный полет мысли и духа характерен для стихотворений, написанных тогда, когда муж был дома. Но того часто отвлекали разного рода деловые поездки, и отсутствие мужа сублимировалось в поэтических строках тоской по нему. Не только по отдельному человеку, но и по отделившейся части самой себя.

Стал пуст наш двор теперь,
ветра косят, дождливо,
замкну двойную дверь.
Весна под праздник приодела ивы,
но дни мучительно тоскливы.
Краесогласий затруднень
одолеват лишь бокал.
Пришла разлука вместе с ленью,
гусь скрылся одинокой тенью
и слов моих с собой не взял.

Смерть мужа в 1129 г. стала для поэтессы психологической катастрофой. В творчество вошли не просто тоска, грусть, печаль, а трагедийность, даже название которой она подобрать не смогла.

Как хризантема, пав с куста,
пожухла и увяла,
я никому сегодня не нужна.
Встав у окна, устало
слежу, как входит ночи чернота,
ложится на платан дождя скудель,
и дотемна —
капель, капель...
Всё, что со мной,
достаточно ль назвать «тоской»?

Вот тогда-то Ли Цинчжао окончательно и стала Поэтом, восприняв поэзию как смысл жизни. Она почти не писала о себе как о творческой личности. Но там, где это очерчивается, видишь ее осознание собственной поэтической мощи, жажду не формального обозначения стиха, а созвучия с мировой душой:

С земными смешались небесные волны,
и звезды сместились, и мечутся челны.
Душа моя сблизилась с горним престолом,
и было мне Слово:
чего, спросил Он, достичь я готова.

Уж время заката, а путь еще долог,
я жажду найти небывалое слово
и птицей взметнуться к небесному свету.
О, буйные ветры,
направьте мой челн прямо к Холмам бессмертных!

Система образов — та структура, из которой выстроен «стиль Затворницы». Нового она не выдумывала — цветы, вино, приносящие (или не несущие) письмо гуси, штора окна, отгораживающая от мира, и т. д. Новой была интерпретация. Все образы поздней Ли Цинчжао замешаны на тоске, грусти, одиночестве и оформлены в лирической тональности. За грани лирики она не выходит даже в воспоминаниях об утраченной родине.

Конечно, где-то тоска прорывается в строки и в прямом, повествовательном контексте. Но она способна назвать ее, и не называя:

Задвину поплотнее шторы
и буду слушать смех чужой.

Или связывая с букетом образов:

Где ты, лодочка моя легка?
Ах, сегодня неподъемная тоска
тяжела для малого челна.

Одиночество часто оформляется косвенно: на столе напротив поэтессы — одна свеча, один бокал.

Свеча погасла, грустно, пуст бокал,
в закатном ветре лист с платана пал.
Уж лист с платана пал,
и осень всё печальней,
и я одна в молчанье.

Сиротливость ночи она не декорирует прилагательными, а лишь извлекает из словаря слово, которое обозначает узкую походную койку, а не супружескую постель под роскошным балдахином. Точно подобранная скупость слов совершенно неожиданно расширяет образ, наделяет его зримой фактурой.

Ситуация, которая, казалось, может стать банально-стандартной, в новом ракурсе окутывается психологической аурой:

Весною у окна всегда тоскую,
и на балкон не выхожу — хандра.
Но пировать под сливами — пойду я,
ведь лепестки к утру снесут ветра...

Время действия чаще всего — ночь как освобождение от реальности, переход в иное пространство, возможность достичь мечты. Тут Ли Цинчжао не отходит от общей традиции сунской поэзии, которую именуют «поэзией ночи»: одно только это слово «ночь» встречается в ней более восьми тысяч раз, а ночное время косвенно обозначается еще и множественным упоминанием луны, теней цветов, постели, сна. Близкий к ночи «закат» — драматичней и негативней, он наполнен движением исчезающего времени, чувством ухода, разлуки, тяготами странствий. Как и ночь, этот образ

не всегда передается непосредственно словами, а часто эвфемистически: солнце опускается по шторе. Закат у Ли Цинчжао — образ разлуки с мужем, он встречается и в ранней поэзии (муж вне дома), и чаще — в поздней.

Сон для Ли Цинчжао чаще всего благостен: «душа сна», покидающая тело, уносится туда, где в данный момент находится муж, и это виртуальное свидание (даже когда мужа уже не было в живых) облегчает страдания одинокой героини.

По стихотворениям Ли Цинчжао можно сделать вывод об ее обостренном ольфакторном¹ восприятии мира: строки полны ароматов, пересекающихся не только с природой, но и с чувствами героини. Через них выражаются жизненные ситуации поэтессы. Они грустны, и потому в стихотворениях курильница в спальне чаще остывшая, чем пылающая. Отгоревший фимиам угнетает душу.

О лирике Ли Цинчжао в целом можно сказать, что мира как такового в ее поэзии не существует, он слит с субъективным Я. Ветка корицы привлекла ее не своей обособленной красотой, она стала частью ее души:

Нежны сливы, только простоваты,
на сирени кисточки — патлаты.
Дух коричный слился так неожиданно
с грезами о дальнем!

И в нашем сознании сама горечь прекрасных строк Ли Цинчжао сублимируется в ее утонченный образ.

*Сергей Торонцев,
доктор исторических наук,
заслуженный деятель науки РФ,
иностраннный член Китайского общества изучения Ли Бо,
14 сентября 2019 г.*

¹ Гипертрофированное восприятие запахов.

Стихотворения

Часть 1

СТИХОПОВЕРЕНИЯ В ЖАНРЕ ЦЫ

1.1. СТИХОПОВЕРЕНИЯ ДОСЛОВЕРНОГО АВТОРСТВА

ДУХ ЛОТОСА ИССЯК, И ОДР МОЙ СТЫЛ *Мелодия «Ицзяньмэй»*

Дух лотоса иссяк, и одр мой стыл,
пора сменить одежды лета.
На ложе я опять одна,
письмо парчи всё ждет ответа¹.
Гусиный клин меня забыл,
спустилась к дому лишь луна.

Порхают лепестки, журчит ручей,
а нас с тобой разлука
зачем-то обрекла на муку.
Мы эту боль не в силах исчерпать.
Она сойдет с нахмуренных бровей,
но в сердце спустится опять.

После 1101

¹ Уехавшему мужу или возлюбленному женщина вышивает письмо парчовой нитью. В системе поэтической образности возлюбленным их переносят гуси.

С ЗЕМНЫМИ СМЕШАЛИСЬ
НЕБЕСНЫЕ ВОЛНЫ
Мелодия «Юйцзяо»

С земными смешались небесные волны,
и звезды сместились, и мечутся челны.
Душа моя сблизилась с горним престолом,
и было мне Слово:
чего, спросил Он, достичь я готова.

Уж время заката, а путь еще долог,
я жажду найти небывалое слово
и птицей взметнуться к небесному свету.
О, буйные ветры,
несите мой челн прямо к Холмам бессмертных¹!

1130

¹ Горные острова в мифическом Восточном море, где обитают блаженные святые.

ИЗ-ПОД СНЕГА ВЕСТНИКОМ ВЕСНЫ Мелодия «Юйцзяо»

Из-под снега вестником весны
сливовые бусинки видны,
чуть раскрыты и нежны,
будто в спальню
вышла дева после умывальни.

Видно, к ним пристрастен тварный мир,
он облил их ярким лунным светом.
Мы закатим величальный пир
до рассвета.
Что еще сравнить со сливой этой!

1101

КАК НЕОБЪЯТЕН
НЕПОСТИЖНЫЙ ДВОР
Мелодия «Линьцзянсянь»

Как необъятен непостижный двор!
От этой мглы замкну затвор.
На ивах, сливах почки зеленеют,
одев Молинский косогор,
а я грущу в Цзяньканском поселенье¹.

Луне и ветру я немало пела,
но больше не поется, постарела.
Кто сострадает немощи моей?
Мне — не до фонарей²,
и до снежинок нет мне дела.

1129

¹ Цзянькан: старое название Нанкина; Молин: холм около этого города.

² Фигурные фонари новогоднего праздника.

Я У ЦВЕТЧНИКА КУПИЛА
Мелодия «Цзяньцзы муланьхуа»

Я у цветочника купила
весны недораскрывшийся бутон.
Роса его на зорюшке покрыла,
и заискрился он.

А чтобы не подумал суженый,
что личико мое цветка похуже,
его пришпилю к волосам,
сравни нас сам.

1101

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сергей Торопцев. Покой Затворницы.</i>	
Эссе о поэзии Ли Цинчжао	5

СТИХОТВОРЕНИЯ

Часть 1

Стихотворения в жанре цы

1.1. Стихотворения достоверного авторства

Дух лотоса иссяк, и одр мой стыл	17
С земными смешались небесные волны	18
Из-под снега вестником весны	19
Как необъятен непостижный двор	20
Я у цветочника купила	21
Жаровня-львица холодна	22
Смещаются небесные узоры	23
Хожу-ищу, брожу-ищу	24
Ветер стих, но лепестки уже опали	25
Беседка у ручья мне помнится	26
Всю ночь лил ливень, завывал ветрило	27
На сирой койке просыпаюсь рано	28
За глухими воротами — весна, и трава зелена	29
С балкона глядя	30
Стал пуст наш двор	31
Безбрежность озера взвихряет ветер	32
Весенний закат	33
В болезнях накопилась седина	34
Ветер стих, и лепестки легли в пески	35
Новогодний праздник фонарей	36
Окно во дворик, где уж нет весны	37

В канун Цинмина — буйная весна	38
Вотще бокал янтарного вина	39
Кто этот банан посадил под окном?	40
Бывало, под снежком	41
В светелке заперта весна	42
Опустела спальня.	43
Как яшмовые бусинки — бутоны.	44
Величаю белокипенный хрисанф	45
Гуся крик растаял в темноте ночной.	47
С мягким ветром вёсны наступают рано.	48
В день Шан-сы созываю близких.	49
Смывая тушь, рыдали непрестанно.	50
В дыханье нежном ветра — потепленье.	51
Сверчок печален у дороги	52
В глухой ночи, хмельна, легла, не сняв румяна	53
Зелен дамбы склон	54
Насуплен день и тягостно немерен	55
Струится хладный свет в мое окно	56
В своем уединенье нежно-палевом.	57
Там, в теплице дворцовой	58
Гинкго билоба	59

1.2. Стихотворения спорного авторства

Вечер пришел, а с ветрами дожди налетели.	60
Слива.	61
Сон отлетел, клепсидра чуть слышна	62
Грозди — будто звезды золотые.	63
Что я почувствовала, увидев на задворках цветы сливы.	64
Пленительна, как лотос	65
Мне не до гребня, я больна весной	66
На рассвете ветер за окном.	67
Как же ей с такой точеной талией.	68
Придержу-ка я качели	69
За яшмовым трюмо из года в год	70
Осенний небосклон	71
К юбилею наньчанской дамы	72
Насколько продолжительна весна?	73
В одно мгновенье на Ханьданьском тракте.	74
В мой сон ворвалось ориолы пенье	75

Часть 2***Избранные стихотворения в жанре ши***

К Башне восьми песнопений.	76
Нежданное.	77
Река Уцзян.	78
Мне досталась рифма «чжи».	79
На исходе весны.	80
Рыболовные мостки [Янь Цзылина]	81
Китайские названия стихотворений.	82
<i>Анна Дащенко. Ли Цинчжао: жизнь и творчество</i>	85

Я — ПТИЦА
Лирика Ли Цинчжао

Серия «Великие имена китайской поэзии»

Перевод с китайского языка *С.А. Торопцева*

Корректор *А.М. Никитина*
Верстка *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 11.06.2020. Формат 84×108 ¹/₃₂
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 6,09
Тираж 500 экз. Заказ № 1863

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 960 243 32 82

